

DOI: 10.31857/S0869049922030078
EDN: EXNAMH

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

Оригинальная статья / Original Article

О применимости принципа мультилатерализма во внешней политике (на примере ФРГ)

© Ф.О. ТРУНОВ

Трунов Филипп Олегович, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия), ltrunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

В статье исследованы особенности и «узкие места» постоянного включения политико-дипломатической и военной активности государства на мировой арене в контекст многосторонних усилий. В качестве кейса для изучения выбрана ФРГ, которая позиционирует себя как органичную часть Евро-Атлантического сообщества. Охарактеризованы историческая детерминированность обращения страны к принципу мультилатерализма и приобретенные в результате возможности в области безопасности и обороны. Исследуются формы и политическая ценность наделения бундесвера функциями «рамочного государства» в деятельности многонациональных группировок вовне и внутри зоны ответственности НАТО. Показана значимость принципа мультилатерализма для сотрудничества Германии с Францией и США на различных треках переговорного процесса в области международной безопасности. Сделан вывод об основных трудностях гибкого подхода к использованию многосторонности, который последовательно реализует ФРГ.

Ключевые слова: многосторонность, Евро-Атлантическое сообщество, дипломатия, переговорные форматы, Германия, бундесвер

Цитирование: Трунов Ф.О. (2022). О применимости принципа мультилатерализма во внешней политике (на примере ФРГ) // Общественные науки и современность. № 3. С. 102–115. DOI: 10.31857/S0869049922030078, EDN: EXNAMH

On the Applicability of Multilateralism in Foreign Policy (the case of Germany)

© PH. TRUNOV

Philipp O. Trunov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ltrunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

Abstract. The article studies the features and weak points of placing political-diplomatic and military activity into the context of multilateral efforts. As the case study the author chose the Federal Republic of Germany, which positions itself as an integral part of the Euro-Atlantic community. The author shows the historic determinism of FRG's appeal to the principle of multilateralism and the resulting opportunities in the areas of security and defense. The forms and political importance of the usage of the Bundeswehr as a «framework nation» in the military groups inside and outside the NATO zone of responsibility are presented. The paper explores the importance of multilateralism for Germany's cooperation with France and the USA on various tracks of the negotiations in the field of international security. The research presents conclusions on the key difficulties for future flexible usage of the multilateralism principle by Germany.

Keywords: multilateralism, Euro-Atlantic community, diplomacy, negotiations formats, Germany, Bundeswehr

Citation: Trunov Ph. (2022). On the Applicability of Multilateralism in Foreign Policy (the case of Germany). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 102–115. DOI: 10.31857/S0869049922030078, EDN: EXNAMH

В XXI в. наблюдается увеличение спектра вызовов и угроз для государства как института. Под последними понимаются, с одной стороны, действительные и потенциальные угрозы безопасности и обороны страны, общества, граждан. С другой – невозможность или сложность реализации государством мер по сохранению и усилению его позиций на мировой арене. Данные сдерживающие факторы вкупе с разноплановым влиянием глобализации обуславливают все более активное обращение стран к принципу мультилатерализма (многосторонности). Он требует гибкости и умения в использовании инструментария внешней политики, но позволяет существенно оптимизировать его применение.

Фокусным государством для изучения предложена ФРГ. К настоящему моменту принцип мультилатерализма получил наиболее полное развитие в рамках Евро-Атлантического сообщества. Из его стран-участниц официальный Бонн/Берлин накопил едва ли не самый богатый опыт использования многосторонности в деятельности в Европе и мире. Иллюстрацией тому – дипломатическая инициатива ФРГ по созданию «Альянса в поддержку мультилатерализма» (с 2018 г.) [Bukarest, Berlin... 2018] и прецедентное принятие «Белой книги по мультилатерализму» в мае 2021 г. [A Multilateralism... 2021].

Задача данной статьи – проследить эволюцию тактик использования принципа мультилатерализма во внешней политике ФРГ. Исследуя исторический опыт, основное внимание автор обратил на временной отрезок с середины 2010-х гг. Основными методами избраны сравнительный и ивент-анализ.

Под термином «многосторонность» в статье понимается солидаризация действий (объединение усилий более чем трех государств и их союзов) по выполнению как минимум большинства тактических задач и стратегических целей. В сфере безопасности и обороны мультилатерализм военного характера в основном проявляется в развертывании, функционировании и использовании группировок совместного комплектования. В политико-

дипломатической сфере мультилатерализм выражается в обеспечении сонаправленности усилий декларативно и на практике.

Несмотря на повышенный интерес экспертов к внешней политике ФРГ в целом, в обозначенном ракурсе она рассматривается в небольшом количестве статей, которые хронологически ограничены периодом начала 2010-х гг. [Егоров 2012]. Вместе с тем, теория и практика использования многосторонности, особенно в рамках Евро-Атлантического сообщества, подробно анализируется в работах отечественных [Обичкина 2021, 241–242] и зарубежных – в том числе немецких [Brozus 2019; Maull 2020] – специалистов.

Фактор мультилатерализма: основные возможности для внешней политики ФРГ

Представляется, что приверженность идее мультилатерализма позволяет ФРГ успешно решать минимум три важнейшие задачи внешней политики:

1) демонстрировать, что она учитывает свою историческую ответственность как ключевого агрессора во Второй мировой войне. Официальный Бонн/Берлин последовательно стремился использовать политико-дипломатический – и особенно военный – инструментарий в рамках многосторонних механизмов, «растворяясь» в них и принимая на себя лишь часть коллективной ответственности. Обычно под общие решения подводилась международно-правовая база в виде резолюций Совета Безопасности ООН, а также постановлений ЕС и НАТО. Исключения из правила редки и наблюдаются лишь в случаях, когда речь идет о критически важных случаях использования войск с точки зрения приближения ФРГ к положению мировой державы. Кабинет Г. Шредера в 2001 г. присоединился к операции «Enduring Freedom», которую США проводили в национальном качестве [The Bundeswehr... 2009, 76]. В августе 2021 г. правительство А. Меркель отправило фрегат в акваторию Тихого океана с военно-дипломатической миссией [Indo-Pacific... 2021]. Однако даже в упомянутых случаях Германия была привержена принципу мультилатерализма: в операции «Enduring Freedom» приняла участие большая группа стран-участниц НАТО в целом [The Bundeswehr... 2009, 76], а появление корабля «Бавария» на Дальнем Востоке было согласовано с региональными партнерами ФРГ – Австралией, Японией, Южной Кореей, Сингапуром, США и Великобританией [Indo-Pacific... 2021];

2) укреплять позиции внутри Евро-Атлантического сообщества и осуществлять стратегическое проникновение в регионы за его пределами. ФРГ де-юре значительно сокращала риск отчуждения своего политического и военного присутствия на местах, позиционируя его как органичную часть многосторонних усилий стран Запада по борьбе с угрозами и вызовами нестабильности. Впервые данный подход Германия начала применять на Балканах с начала 1990-х гг., затем – в Центральной Азии (с начала 2000-х гг.), на Ближнем Востоке (с середины 2000-х гг.), в Западной Африке (к середине 2010-х гг.);

3) применять гибкий подход к использованию собственной ресурсной базы. В зависимости от ценности конкретного трека, ФРГ может варьировать свою роль от «рамочного государства» (вносящее наибольший вклад государство-участник) до наблюдателя. Так, при создании сил передового развертывания НАТО в Восточной Европе ФРГ приняла на себя ключевую роль в комплектовании многонациональной батальонной тактической группы в Литве (с 2017 г.) [Panzerdivision 1. 2022], однако она внесла минимальный вклад в проведение учений НАТО «Anakonda 16» на территории Польши (2016 г.).

Исторические особенности обращения к принципу многосторонности

Приверженность принципу мультилатерализма как столп внешней политики ФРГ заложил еще канцлер-основатель Боннской республики К. Аденауэр. Изначально руководство республики пошло на данную меру во многом вынужденно, хотя сам К. Аденауэр считал, что схема будет стратегически выигрышной. Действия первого канцлера ФРГ были основаны не только на стремлении максимально быстро восстановить германскую государственность, но в отдаленной перспективе и вернуть державный статус страны. Отвергая идею создания единой, но демилитаризованной и бессрочно принимающей внеблоковый статус Германии, канцлер сознательно соглашался на ужесточение конфронтации Запад-Восток и сохранение двух немецких государств разделенными на передовой линии холодной войны. Данные положения рассматривались как самоограничения – хоть и хронологически длительные, но все же временные – а в итоге они должны были гарантировать восстановление ФРГ в положении державы. Западная Германия предельно интегрировалась в состав Евро-Атлантического сообщества, превратив принцип мультилатерализма в контексте солидарности с союзниками по НАТО и Европейским сообществам в органичное рамочное условие внешней политики. По замыслу К. Аденауэра, данная особенность должна была обеспечивать безусловную поддержку ФРГ западными партнерами в наращивании ресурсной базы (особенно ремилитаризации) и укреплении позиций в Европе и мире.

Гипотеза К. Аденауэра впервые была доказана при решении сложнейшей задачи по воссозданию национальной военной машины. Официальный Бонн подчеркивал, что неотъемлемой (и бессрочной) частью формирования вооруженных сил ФРГ априори является их предельная интеграция в структуры НАТО. Партнеры по Евро-Атлантическому сообществу в результате получили возможность контролировать процесс на всех стадиях, а ФРГ смогла участвовать в принятии и выполнении всех решений, чтобы другие государства-члены военного объединения учитывали ее национальные интересы. Первая попытка воссоздания военной машины в рамках Европейского оборонительного сообщества провалилась, что предопределило обращение к механизму НАТО. К. Аденауэр принципиально согласовал данное обращение на переговорах с администрацией Д. Эйзенхауэра в США в апреле 1953 г. [Архив...Л. 26-о], обеспечив итоговую поддержку данной идеи Францией, Великобританией и в целом государствами-членами Альянса. Тем самым западногерманская сторона успешно применила гибкий подход к принципу многосторонности: сначала договоренности были достигнуты на двустороннем уровне с наиболее заинтересованным ключевым партнером (в данном случае США), что Западная Германия затем использовала, чтобы обеспечить принятие ее условий широкой группой стран-участниц Евро-Атлантического сообщества. Позиционируя себя его органичной частью, ФРГ подвела объективно существующие национальные интересы под общие потребности всех государств-членов. В данном случае она представила бундесвер как существенное усиление коллективного потенциала Запада в условиях его конфронтации с социалистическим блоком. Логично, что именно на территории ФРГ – особенно с учетом ее расположения на передовой линии холодной войны – принцип многосторонности стали активно внедрять в собственно военной области: единую линию союзнических сил образовали из перемешавшихся армейских корпусов бундесвера и группировок войск Нидерландов, Бельгии, Великобритании, Канады и США [The Bundeswehr... 2009, 14].

Вновь гибкий подход к использованию мультилатерализма официальный Бонн успешно применил на переговорах по решению «германского вопроса» (февраль-сентябрь 1990 г.). Используя фактор в основном скрытой тесной координации с США, ФРГ пролоббировала свои интересы не только перед Францией и Великобританией, но и перед

СССР. Однако важнейшим условием урегулирования «германского вопроса» по сценарию официального Бонна (полностью согласованного с США) стала уступчивость руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым. Здесь национальные интересы ФРГ вписали в общие интересы для государств-членов Евро-Атлантического сообщества в целом: включение в ее состав территории ГДР представлялось как фактическое расширение коллективного Запада в контексте свертывания холодной войны.

Фактор многосторонности при строительстве вооруженных сил

Тем не менее, использование данного принципа в своих целях отнюдь не девальвирует для ФРГ ценность ее приверженности мультилатерализму во внешней политике. Во-первых, это облегчало дальнейшее укрепление на мировой арене позиций официального Бонна/Берлина. Он все более активно позиционировал себя не как обычное (ведомое старшими партнерами) государство-член, а как центр притяжения Евро-Атлантического сообщества.

Во-вторых, поддержка партнеров по Альянсу в переговорном процессе 1990 г. априори не могла быть обеспечена без четких гарантий предсказуемости последующего стратегического курса уже объединенной Германии. Такими гарантиями выступали сохранение полноценного членства ФРГ в НАТО (не говоря уже о Европейских сообществах) и согласие с новыми – существенно более низкими и жесткими – «потолками» для развития «военной машины» страны [The Bundeswehr... 2009, 25]. Страны-участницы Альянса сохраняли военное присутствие на германских землях. Тем не менее, в условиях окончания конфронтации Запад-Восток оно не только существенно сокращалось вплоть до полного демонтажа (в случаях Канады и Бельгии), но и трансформировалось. ФРГ стала первым государством-членом НАТО, на территории которой предпринимались попытки перехода к продвинутому мультилатерализму в сотрудничестве вооруженных сил. В холодную войну каждая группировка (на уровнях корпус, отдельная дивизия и ниже) союзнических войск в Германии была мононациональной, а взаимодействие с соседним войсковым механизмом другой страны блока поддерживали с помощью небольших миссий связи при штабах. К середине 1990-х гг. на западногерманских землях были учреждены управления дву- и трехнациональных корпусов: германо-американского, американо-германского, франко-бельгийско-германского и германо-нидерландского [Armee der Einheit 2000, 34–36]. Однако из четырех корпусов уже к началу 2000-х гг. сохранился лишь один – германо-нидерландский. Почему?

К числу детерминант можно отнести дальнейшие масштабные редукции группировок партнеров Германии по блоку на ее территории (что, однако, в полной мере относилось и к Нидерландам), а также особенности «нарезки» стран-участниц НАТО при комплектовании группировок. Однако основной причиной представляется наличие/отсутствие готовности другой стороны согласиться с признанием за ФРГ роли равноправного – и тем более ведущего – партнера в чувствительной для любого государства сфере вооруженных сил, притом на уровне армейского корпуса, высшего звена военного формирования в большинстве стран НАТО в мирное время. В совместных корпусах Франции, США и бундесвера дивизии продолжали быть однонациональными. Более того, такой же состав имели не только войсковые формирования, но и штабы [Armee der Einheit 2000, 34–36]. Качественно иную схему комплектования имел германо-нидерландский корпус: единый штаб с персоналом бундесвера и королевских войск в пропорции 50% на 50% [Armee der Einheit 2000, 34–37]. К началу 2020-х гг. смешанный состав приобрели и подчиненные ему войска: в состав германской 1-й танковой дивизии включили голландскую механизированную

бригаду, а частью последней стал танковый батальон бундесвера [Panzerdivision 1 2022]. Принцип перекрестного комплектования применили и в дивизии сил быстрого реагирования бундесвера, частью которой стала нидерландская аэромобильная бригада. В случае официального Парижа единственным таким примером осталась лишь франко-германская бригада (создана в 1989 г.) [Сидоров 2019, 177–181].

В целом схема продвинутого мультилатерализма в войсках оказалась весьма востребованной в деятельности НАТО в целом. В ходе операций по миротворчеству и поддержанию мира территорию их проведения разбивали на обширные секторы. В каждом секторе развертывалась многонациональная группировка во главе с «рамочным государством», которое предоставляет самый многочисленный континент и координирует усилия на уровне данной зоны. Подобная практика распространилась на Балканах с середины 1990-х гг. и позволила ФРГ укрепляться в положении регионального миротворца (в т.ч. в военном плане). Так, в Боснии и Герцеговине бундесвер нес ключевую нагрузку в составе сил IFOR/SFOR при обеспечении мира и безопасности в одном из четырех созданных секторов – в районах Сараево, Горадже, Коньич, Фоча (вспомогательная роль была отведена итальянским частям) [The Bundeswehr... 2009, 67]. В Косове в рамках миссии KFOR германский континент в партнерстве с австрийскими частями также служил «рамочным государством» в одной из пяти зон, центром которой был город Призрен [The Bundeswehr... 2009, 73]. Наконец, наиболее значимым для ФРГ стало выполнение бундесвером аналогичных функций в североафганских провинциях под эгидой сил ISAF (2003¹-2014 гг.), а затем в миссии «Resolute Support» (2015–2021 гг.). Так, одновременно штаб регионального командования «Север» (г. Мазари-Шариф) с ведущим участием германских офицеров руководил действиями подразделений до 17 стран-участниц НАТО [Antrag... 2018, 5–6].

Еще одна форма наделения бундесвера функциями «рамочного государства» – выполнение данной роли в рамках миссии в целом либо в ее важнейшей составляющей. В составе сил UNIFIL, развернутых в зоне прекращенных боестолкновений между Израилем и движением «Хезболла» на юге Ливана (с 2006 г.), ФРГ приняла на себя ключевую нагрузку в деятельности военно-морского соединения миротворцев ООН [The Bundeswehr... 2009, 92]. В Мали де-факто уже с первых месяцев (2013–2014 гг.) функционирования военно-тренировочной миссии ЕС по подготовке кадров сил безопасности (особенно армии) Германия не только лидировала по численности инструкторов, но и координировала усилия партнеров. Параллельно к 2018 г. бундесвер уже играть роль «рамочного государства» и в составе миссии ООН MINUSMA в вопросах тактической разведки (в т.ч. с помощью беспилотной техники), охраны и логистического функционирования основной базы миротворцев [Antrag... 2019, 5–6]. Притом численно значительную часть сил MINUSMA составляли контингенты стран-участниц Африканского союза.

Евро-Атлантическое сообщество активно использовало принцип многосторонности не только при развертывании миссий вне зоны ответственности Альянса, но и при формировании группировок внутри оной. В условиях возникновения и развития конфронтации между Западом и Россией (с 2014 г.) ФРГ предпочитала комплектовать силы быстрого реагирования Альянса (СБР; второй стратегический эшелон союзнических войск), а не силы передового развертывания (СПР; первый эшелон) блока. Так, в случае СБР Германия многократно становилась «рамочной нацией» при комплектовании бригады сверхповышенной боевой готовности – «острия копья» этих войск [NATO Response Force 2019]. Ключевую роль в них играли силы 1-го германо-нидерландского корпуса. Его штаб в се-

¹ Указана дата не начала деятельности ISAF/MCCB (2001), а выдвижения первых германских подразделений к северу от Кабула.

редине – второй половине 2010-х гг. окончательно превратился в управление, способное принимать на себя командование крупными многонациональными группировками стран-участниц Альянса. Опираясь на двусторонние связи с ближайшим союзником, официальный Берлин трансформировал их в военный мультилатералистический механизм.

Принцип многосторонности в дипломатии германо-французского тандема

Аналогичную схему с опорой на сотрудничество с Нидерландами Германия реализовала и в общеполитической сфере: формат межгосударственных консультаций с официальным Амстердамом (создан в 2013 г.) функционально превратился в площадку для обсуждения вопросов с широким представительством государств-партнеров по ЕС и НАТО [Pressekonferenz...2019].

Сфера создания совместных военных группировок – хоть и значимое, но все же исключение из общего правила использования фактора мультилатерализма в сотрудничестве официальных Берлина и Парижа. Следует оговориться, что применительно к политико-дипломатической сфере данная тенденция стала особенно заметной с середины 2010-х гг. в связи с тем, что оба актора относятся к категории держав. Франция, которая пребывает в данном статусе длительное время, прилагает максимум усилий, чтобы не допустить критического ослабления своих позиций. Германия, будучи восходящим центром влияния, также сталкивается с растущими вызовами для укрепления стратегического присутствия. Вкупе со значительным набором общих ценностей и географической близостью, риск утраты влияния обуславливал существенное взаимное притяжение официальных Берлина и Парижа – разумеется, не снимая в полной мере вопроса о лидерстве в тандеме. Их стремление олицетворять собой ядро группы континентальных европейских стран-участниц ЕС и НАТО особенно возросло в условиях холодной войны Запада с РФ, брежневизма и трампазма. Речь здесь идет о дивергенции позиций материковых стран Западной Европы не только с убеждениями группы англосаксонских держав, но и с рядом восточноевропейских партнеров.

Роль германо-французского союза проявилась при развитии платформы PESCO (с 2017 г.), которая направлена на углубление функционального и технико-технологического сотрудничества государств-членов ЕС в области безопасности и обороны по принципу гибкого участия в интеграции [Permanent Structured... 2019].

Политико-дипломатический тандем активно принимал функции по представительству стран-участниц ЕС на значимых треках международной безопасности. Иллюстрацией тому стало создание (2014 г.) и последующее функционирование «Нормандского формата». По мере развития переговорного процесса его промежуточные результаты подробно доводили до сведения ближайших партнеров – в основном в ходе двусторонних встреч [Pressekonferenz... 2019] – что обеспечивало благоприятный рамочный многосторонний фон для действий германо-французского тандема. Данную схему также принимали при диалоге с державами Астанинского «треугольника» по сирийской тематике в конце 2010-х гг. В полной мере тактика проявилась и в отношениях с Мали и другими странами «G5 Sahel» (Буркина-Фасо, Мавритания, Нигер, Чад) в середине – второй половине 2010-х гг. Совместно с официальным Парижем Берлин стал посредником в организации межмаллийского диалога и заключении договоренностей о мире (2015 г.). Существенно нарастив вклад в стабилизацию обстановки в регионе, ФРГ перешла к выстраиванию продвинутых политических контактов с группой «G5 Sahel», в рамках данного процесса тесно сотрудничая с Францией и иными ближайшими партнерами по ЕС (Нидерланды, Австрия, Швеция) [Antrag... 2019, 5–8].

В тех случаях, когда официальный Берлин считал свои позиции достаточно сильными, он сам инициировал создание и координировал деятельность переговорных форматов, но притом детально согласовывая шаги с ближайшими союзниками по ЕС и НАТО, включая официальный Париж. Так, в 2014 г. в столице Германии начала работать Конференция по Западным Балканам – площадка, предназначенная обеспечить сближение ЕС и региональных игроков, не интегрированных в его состав [Konferenz der Staaten... 2014]. Перед наступлением пандемии, в январе 2020 г., стартовала Берлинская конференция по Ливии, нацеленная на прекращение гражданской войны в стране и на ее возвращение на путь стабильного развития [Einigung auf Berliner... 2020]. В первом случае (Балканы) роль ФРГ объяснялась уверенным закреплением за ней функции модератора постюгославского пространства еще с 1990-х гг. Во втором (Ливия) Германия, единственная из западных держав, не принимала сколько-нибудь активное участие в военно-силовой операции НАТО 2011 г., которая привела к обрушению вертикали власти в стране, что обеспечивало достаточно выгодные переговорные позиции официальному Берлину.

Здесь уместно обратить внимание на то, что в XXI в. при возникновении военно-политических кризисов с участием держав Запада, то есть при постановке вопроса о проведении масштабной силовой операции, ФРГ последовательно занимала осторожную позицию, отказываясь от использования бундесвера непосредственно в боевых формах (что не отменяло готовности его применять для «разгрузки» партнеров). Данная линия поведения проявлялась в ходе военно-политических кризисов в Ираке (2003 г.), Ливии (2011 г.) и Сирии (2013 г.). Примеры показывают, что ФРГ использовала принцип мультилатерализма во внешней политике в строгом соответствии со своими национальными интересами, стремясь не подстраивать их под позиции даже важнейших партнеров.

Мультилатерализм в отношениях ФРГ и США: триггер или спойлер?

Какую роль исследуемый фактор играл в отношениях ФРГ и США – и почему? С образования ФРГ (1949 г.) приверженность многосторонности при решении значимых международных проблем стала неотъемлемой частью политических ценностей и правил поведения, которые объединяют элиты двух стран. Отказ одной стороны участвовать в стратегическом проекте другой означал четкий сигнал не только о несогласии с партнером, но и о кризисном состоянии межгосударственного диалога. До середины 2010-х гг. такие случаи все же не были частыми. Ситуация резко изменилась при президенте Д. Трампе, который стремительно перешел к унилатерализму, основанному на частных компромиссах.

В ответ Германия стала играть роль «охранителя» общих для стран-участниц Евро-Атлантического сообщества ценностей, особенно приверженности многостороннему подходу, тем самым оказавшись в специфической ситуации. Боннская республика в 1950–1960-е гг. находилась в положении ученика, который усваивал уроки политической грамоты от учителей в лице англо-саксонских держав – лидеров лагеря «западных демократий» во главе с США. Закончив обучение на «отлично», ФРГ стала последовательно распространять в мире ценности и правила поведения Евро-Атлантического сообщества, а также защищать их от своих бывших «педагогов» в условиях трампизма и брекзита. Предварительно (в 2018 г.) согласовав свои планы с ближайшими партнерами по ЕС [“Bukarest, Berlin... 2018], ФРГ на открытии 74-й Генеральной ассамблеи ООН выступила с инициативой создать неформальный «Альянс в поддержку мультилатерализма» в сентябре 2019 г., что означало координацию усилий международных игроков, в той или иной степени приверженных принципу многосторонности [Ministertreffen... 2021].

К середине 2020-х гг. в данную группу входило порядка 70 государств. Альянс успешно действовал не только при противодействии трампизму и брекзиту, но и в условиях пандемии, при которой многие государства мира в различных отношениях «замыкались на себя». Идеи, заложенные в данном неформальном объединении игроков, предельно подробно отражены в «Белой книге по мультилатерализму» от мая 2021 г. [A Multilateralism... 2021], опубликованной на фоне постепенной разморозки мирополитических процессов после первых волн COVID-19 и изменений в политике США.

Создание Альянса было значимой, но лишь одной из многих мер, нацеленных на противодействие трампизму. Став объектом критики и давления 45-го президента США, ФРГ активно стремилась помешать его действиям по разрушению многих договоренностей, которые ранее были предметом консенсуса Евро-Атлантического сообщества (схема урегулирования арабо-израильского конфликта, сохранение СВПД и др.). Однако во многом данные германские шаги имели слабый результат, о чем свидетельствует выход администрации Д. Трампа на стратегическую «сделку» с «Талибаном»² 29 февраля 2020 г., воплощение которой априори вела к демонтажу военного присутствия ФРГ в Афганистане. Основные надежды, связанные со сменой администрации, сначала казались вполне обоснованными: президент Дж. Байден заявлял о возвращении США к приверженности мультилатерализму и демонстрировал стремление к восстановлению диалога с ФРГ на этой ценностной основе. Соответствующий оптимизм в полной мере нашел отражение в «Белой книге» от мая 2021 г. [A Multilateralism... 2021].

Однако, вопреки ожиданиям, новый «старый» (с ценностной точки зрения) внешнеполитический курс США оказался не слишком благоприятным для официального Берлина. Во-первых, после паузы (которую восприняли как признак пересмотра решения Д. Трампа) администрация Дж. Байдена в середине апреля 2021 г. одобрила соглашение с «Талибаном», поставив ФРГ и иных партнеров перед необходимостью экстренной эвакуации их контингентов.

Во-вторых, после прихода к власти администрации Дж. Байдена Германия на дву- и многосторонней основе (как по линии ЕС, так и НАТО) стала поддерживать США в выстраивании конфронтации с КНР, однако достаточно умеренно. Белый дом содействовал появлению военно-морского присутствия ФРГ в Тихом океане (со второй половины 2021 г.) [Indo-Pacific... 2021]. Однако 15 сентября 2021 г. США, Великобритания и Австралия объявили о создании военно-политического объединения AUKUS – структуры закрытого состава, которая включает лишь англосаксонские державы. Данное решение представляло собой де-факто вызов не только Франции, но и Германии.

В-третьих, Белый дом при Дж. Байдене, в отличие от администраций Д. Трампа и особенно Б. Обамы, сумел обеспечить за собой роль основного представителя интересов Евро-Атлантического сообщества на украинском направлении. Данная тенденция проявилась не только в наращивании системы сдерживания РФ, но и при развитии контактов с Россией по вопросам безопасности с целью снять чрезмерную напряженность в отношениях. США с декабря 2021 г., сразу по окончании эры А. Меркель, пошли по пути фактического дезавуирования «нормандского формата», заменяя его собственными контактами с Россией.

О чем свидетельствуют приведенные выше примеры? Администрация Дж. Байдена вернулась к принципу мультилатерализма во внешней политике США, но при условии его строгого соответствия национальным интересам – так же, как последовательно делала ФРГ (особенно в периоды канцлерства Г. Шредера и А. Меркель). Белый дом стал настойчиво проводить курс, который зеркально повторяет линию официального Берлина.

² Движение находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

Не афишируя де-юре, Белый дом при 46-м президенте США де-факто учитывал недовольство, которое возникло из-за превращения ФРГ в параллельный Соединенным Штатам (и группе англо-саксонских стран в целом) центр влияния. Наиболее отчетливо данная особенность проявилась в демонтаже крупнейшего механизма союзнического присутствия НАТО вне ее зоны ответственности (Афганистан) и в выстраивании парадигмы обеих холодных войн стран Запада – с РФ и КНР. Детерминированность выбора данных векторов отнюдь не случайна, т.к. они определяют контуры формирующегося миропорядка.

* * *

В биполярную эпоху под приверженностью мультилатерализму руководство ФРГ понимало прежде всего формальную и фактическую солидаризацию с партнерами по Евро-Атлантическому сообществу. В 1990-е – начале 2020-х гг. эта политика Германии стала более широкой географически и начала включать в себя страны, не входившие в ЕС и НАТО. Так, данный подход нашел отражение в составе «Альянса в поддержку мультилатерализма» [Ministertreffen... 2021] и профильной «Белой книге» [A Multilateralism... 2021]. С другой стороны, указанные изменения существовали прежде всего де-юре. Де-факто ФРГ не была готова учитывать интересы незападных держав в сфере безопасности и обороны и выстраивать с ними работающие кооперативные схемы безопасности. В целом для акторов за пределами ЕС и НАТО использование Германией принципа многосторонности определяется готовностью данных игроков согласиться с подходами Евро-Атлантического сообщества в целом. Соответственно, следует отметить селективный характер применения идей мультилатерализма со стороны ФРГ.

Обращение к ним обеспечивало поддержку державных амбиций Германии со стороны широкого круга малых и средних государств-членов ЕС и НАТО, а также Франции. Одновременно группа англосаксонских стран по-прежнему воспринимает планы ФРГ во многом скептически, что проявилось не только в унилатерализме администрации Д. Трампа, но и в недружественном по отношению к Берлину мультилатерализме Дж. Байдена.

Правительство О. Шольца, которое сменило последний кабинет А. Меркель, декларировало приверженность идее многосторонности как неизменному приоритету. Данный принцип нашел отражение в коалиционном договоре СДПГ, «Зеленых» и СвДП от 8 декабря 2021 г. В контексте мультилатерализма в сфере безопасности и обороны наибольшее внимание в нем уделено поддержке ООН и ЕС, причем в первом случае подчеркнута значимость задачи по обретению ФРГ постоянного места в Совете Безопасности ООН [Mehr Fortschritt... 2021, 104, 114]. Степень приверженности конкретной страны мультилатерализму, которая, в понимании правительства О. Шольца, снизилась к 2021 г., выступала ключевым критерием для выбора государства в роли фокусного партнера Германии как осевая составляющая совместных с ФРГ политических ценностей [Mehr Fortschritt... 2021, 113]. «Стратегическим компасом» внешней политики ФРГ провозгласила приверженность принципу защиты прав человека и гражданина во всем мире [Mehr Fortschritt... 2021, 114], то есть официальный Берлин взял на себя функцию защиты принципов «западной демократии» на глобальном уровне. Тем самым де-факто оттенялась роль США: часть от нее ФРГ стремилась принять на себя, притом качество, масштаб и полнота диалога определялись приверженностью самого Белого дома принципу многосторонности. Данные принципы представляли одновременно завуалированную критику трампизма и новое восприятие отношений с США, которое уже нашло отражение в «Белой книге» по мультилатерализму при А. Меркель [A Multilateralism... 2021]. В коалиционном договоре (2021 г.) первоочередное внимание уделено координации усилий с европейскими

партнерами по ЕС и НАТО при признании безусловной важности трансатлантических отношений. Значимая роль в достижении данных целей отводится использованию потенциала «Альянса в поддержку мультилатерализма» [Mehr Fortschritt... 2021, 114].

На фоне специальной военной операции РФ на Украине канцлер О. Шольц по согласованию с министрами иностранных дел А. Бербок («Зеленые») и обороны К. Ламбрехт (СДПГ) выступил с программной речью на заседании Бундестага 27 февраля 2022 г. Необоснованно жесткая риторика в адрес РФ сопровождалась декларированием ряда чувствительных мер в сфере безопасности и обороны [Regierungserklärung... 2022]. Следует, однако, отметить, что почти все шаги – логическое продолжение тенденций и конкретных шагов ФРГ периода «поздней» А. Меркель, в том числе выработанного восприятия мультилатерализма в отношениях с союзниками и партнерами. Во-первых, Германия нарастила вклад в комплектование многосторонних группировок НАТО – наземных (БТГ СПР в Литве), воздушных (миссия по воздушному патрулированию Румынии) и морских (оперативные группы блока, развернутые к северу и югу от европейского континента) [Regierungserklärung... 2022], в которых она участвует с 2016 г., 2021 г., 2004 г. (в акваториях севернее Европы), 2008 г. (южнее) соответственно. Однако ФРГ не инициировала создание новых механизмов, которые бы принципиально отличались от прежних функционалом и логикой географического размещения. Во-вторых, такие меры, как целевой фонд в 100 млрд евро для ускоренного усиления потенциала бундесвера и выход на отметку в 2% военных расходов от ВВП [Regierungserklärung... 2022] стали продолжением ускоренного роста данного показателя с конца 2010-х гг. Данная тенденция сохранялась даже в условиях наступления пандемии [Defence Expenditure... 2021, 8]. Возможное внесение специального пункта о поддержке бундесвера в Основной закон отражает длительную (с начала XXI в.) тенденцию по активизации использования военного инструментария Германии внутри и вне зоны ответственности Альянса [Antrag... 2018; Antrag... 2019]. В-третьих, возобновлены планы по оснащению бундесвера ударно-разведывательными БПЛА, которые активно обсуждали в конце 2010-х гг. [Regierungserklärung... 2022]. Параллельно планируется увеличить финансирование и ускорить разработку перспективных истребителя, основного боевого танка и средневысотного БПЛА в кооперации с партнерами по ЕС, особенно Францией – как на уровне PESCO, так и вне платформы. Именно официальный Париж остается наиболее ценным партнером при реализации многосторонних схем, в пользу чего говорит многократное упоминание Франции в речи 27 февраля 2022 г. в отсутствие таких же упоминаний США [Regierungserklärung... 2022]. Германия стремится использовать возможности тандема и для усиления влияния в Совете Безопасности ООН в контексте критики РФ. Здесь ФРГ продолжила дрейфовать в сторону от предельной приверженности принципу «стратегической сдержанности». Данное движение характеризует выполнение многосторонних обязательств, в частности действительно новое – но лишь тактически – решение о поставке вооружений на Украину [Regierungserklärung... 2022]. Однако в перспективе движение по пути избирательного подхода к использованию многосторонности будет сопровождаться ростом не только преимуществ, но и проблем: неготовность к полноценному сотрудничеству с незападными державами становится все более мощным препятствием на пути глобальных амбиций ФРГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив посла А.И. Степанова // Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 26-о.
- Егоров А.И. (2012) Отражение интересов Германии в теории и практике мультилатерализма // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 12. С. 108–111.
- Обичкина Е.О. (2021) Внешняя политика Эммануэля Макрона: поиски геополитической стратегии в разладившейся мировой иерархии // Актуальные проблемы Европы. № 3. С. 235–274. DOI: 10.31249/ape/2021.03.10.
- Сидоров А.С. (2019) Франко-германское военно-политическое сотрудничество: «Окно возможностей» или движение по инерции? // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 172–186. DOI: 10.31249/ape/2019.04.10.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan (2018) Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094. 12 S.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019) Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972. 12 S.
- Armee der Einheit 1990 – 2000 (2000) Bonn: BMVg. 48 S.
- Brozus L. (2019) Strategische Vorausschau für multilaterale Politik // SWP-Aktuell. Oktober. No. 55. 4 S. DOI:10.18449/2019A55.
- “Bukarest, Berlin, Brüssel – gemeinsam für ein souveränes, starkes Europa”. Rede von Außenminister Heiko Maas anlässlich der rumänischen Botschafterkonferenz (2018) Auswärtiges Amt. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2130236>).
- The Bundeswehr on Operations (2009) Berlin: Federal Ministry of Defense. 120 p.
- Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2021) (2021) Brussels: NATO Public Diplomacy Division. 12 p.
- Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen (2020) Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310>).
- Indo-Pacific Deployment 2021 (2021) BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021>).
- Konferenz der Staaten des Westlichen Balkans in Berlin (2014) Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/konferenz-der-staaten-des-westlichen-balkans-in-berlin-753800>).
- Mauil H. (2020) Multilateralism, Varianten, Möglichkeiten, Grenzen, Erfolgsbedingungen // SWP-Aktuell. Februar. No. 11. 8 p. DOI: 10.18449/2020A11.
- Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis Für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeitkoalitionsvertrag 2021–2025 Zwischen Der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), BÜNDNIS 90 / Die Grünen Und Den Freien Demokraten (FDP) (2021) Berlin. 144 p.
- Ministertreffen der Allianz für Multilateralismus (2021) Auswärtiges Amt. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/-/2484204>).
- A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper (2021) Berlin: Federal Government. (<https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2460320/0e29e9a0f2c3b9af9a4268ba913f26a9/weissbuch-multilateralismus-data.pdf>).
- NATO Response Force (NRF) Fact Sheet. (2019) NATO. (<https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-response-force-nrf-fact-sheet>).
- Panzerdivision 1. (2022) BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision>).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview (2019) EU. (<https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf>).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Rutte zu den 3. deutsch-niederländischen Regierungskonsultationen in Berlin (2019) Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-rutte-zu-den-3-deutsch-niederlaendischen-regierungskonsultationen-1678038>).

Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27 (2022) Februar 2022. Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356>).

REFERENCES

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan (2018) Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094. 12 p.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019) Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972. 12 p.

Arhiv posla A.I. Stepanova [Archive of Ambassador A.I. Stepanov]. Otdel Evropy i Ameriki INION RAN. F. 1. Op. 2. D. 22. L. 26-o.

Armee der Einheit 1990–2000 (2000) Bonn: BMVg. 48 p.

Brozus L. (2019). Strategische Vorausschau für multilaterale Politik. *SWP-Aktuell*. Oktober, no. 55, 4 p. DOI:10.18449/2019A55.

“Bukarest, Berlin, Brüssel – gemeinsam für ein souveränes, starkes Europa”. Rede von Außenminister Heiko Maas anlässlich der rumänischen Botschafterkonferenz (2018) *Auswärtiges Amt*. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2130236>).

The Bundeswehr on Operations (2009). Berlin: Federal Ministry of Defense. 120 p.

Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2021) (2021) Brussels: NATO Public Diplomacy Division. 12 p.

Egorov A.I. (2012). Otrazhenie interesov Germanii v teorii i praktike mul'tilateralizma [Reflection of Germany's Interests in the Theory and Practice of Multilateralism]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. no 12, pp. 108–111.

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen (2020) Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310>).

Indo-Pacific Deployment 2021 (2021). BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021>).

Konferenz der Staaten des Westlichen Balkans in Berlin (2014). Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/konferenz-der-staaten-des-westlichen-balkans-in-berlin-753800>).

Mauil H. (2020). Multilateralism, Varianten, Möglichkeiten, Grenzen, Erfolgsbedingungen. *SWP-Aktuell*. Februar, no. 11, 8 p. DOI: 10.18449/2020A11.

Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis Für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeitkoalitionsvertrag 2021–2025 Zwischen Der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), BÜNDNIS 90 (2021) Die Grünen Und Den Freien Demokraten (FDP). Berlin. 144 p.

Ministertreffen der Allianz für Multilateralismus (2021) Auswärtiges Amt. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/-/2484204>).

A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper (2021). Berlin. Federal Government. (<https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2460320/0e29e9a0f2c3b9af9a4268ba913f26a9/weissbuch-multilateralismus-data.pdf>).

NATO Response Force (NRF) Fact Sheet. (2019) NATO. (<https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-response-force-nrf-fact-sheet>).

Obichkina E.O. (2021) Vneshnjaja politika Jemmanujelja Makrona: poiski geopoliticheskoj strategii v razladivshejsja mirovoj ierarhii [Emmanuel Macron's Foreign Policy: Searching for a Geopolitical Strategy in the Disordered World Hierarchy]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no 3, pp. 235–274. DOI: 10.31249/ape/2021.03.10.

Panzerdivision 1 (2022) BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision>).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview (2019) EU. (<https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf>).

Pressekonzferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Rutte zu den 3. deutsch-niederländischen Regierungskonsultationen in Berlin (2019). Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonzferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-rutte-zu-den-3-deutsch-niederlaendischen-regierungskonsultationen-1678038>).

Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27 (2022) Februar. Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356>).

Sidorov A.S. (2019). Franko-germanskoje voenno-politicheskoe sotrudnichestvo: «Okno vozmozhno-stein» ili dvizhenie po inercii? [French-German Military Cooperation: “Window of Opportunities” or Movement by Inertia?]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 172–186. DOI: 10.31249/ape/2019.04.10.

Информация об авторе

Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 15, стр. 2, 117218. E-mail: 1trunov@mail.ru

About the author

Philipp O. Trunov, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Address: Moscow, Krzhizhanovskogo St., 15, b. 2, 117218. E-mail: 1trunov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 15.12.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 28.03.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 07.04.2022